

Глава 1

ПРИГЛАШЕНИЕ И ПЕРЕЕЗД

ла весна 1991 года. Все рушилось, все подвергалось сомнению, все было в движении. Тут-то, среди всеобщего разнонаправленного потока новизны, как снег на голову свалилось на Веру Ильиничну это заманчивое предложение.

Когда зазвонил телефон, она как раз доклеивала обои в прихожей. К тому времени Вера Лопухова уже четвертый год делала ремонт в новой квартире, вкладывая в него всю свою до недавних пор очень приличную зарплату заведующей лабораторией на крупном заводе и всю душу. Это была ее первая собственная квартира. Получила ее Верочка в возрасте «за сорок».

До двадцати восьми лет Вера жила в Смоленске с родителями. И следуя их советам, все время училась, повышала квалификацию.

Ее прилежание было оценено: когда квалификация выросла, Вере предложили прекрасную должность заведующей химической лабораторией. Но далеко, в чужом южноуральском городке.

Вера тогда согласилась с радостью, потому что в Смоленске устроиться по своей специальности (высокомолекулярная химия) ей не светило: не так много требовалось специалистов, их вполне хватало.

Уезжать из родного города очень не хотелось, однако неизбежность переезда была очевидной: прожить жизнь с родителями в двухкомнатной хрущевке, перебиваясь на нелюбимой и низкооплачиваемой работе, — малопривлекательная судьба.

Переехав, она быстро привыкла к новому месту. В заводском общежитии, где Вера прожила одиннадцать лет, ей было хорошо. Она жила в отдельном отсеке, включавшем комнату с кухней. И одинокой она себя не чувствовала: у нее быстро образовался свой круг, неплохая компания, состоящая из соседей и сослуживцев. По преимуществу люди без семьи и почти ровесники, они вместе проводили досуг: катались на лыжах, ходили в лес на шашлыки, все праздники отмечали вместе.

Все же, когда получила квартиру, Вера очень обрадовалась. Квартира в новом, белого кирпича, доме с квадратной светлой комнатой, с большой лоджией и просторной кухней принадлежала лично Верочке, она вызывала восторг...

Вера вылизывала ее, как кошка котенка. Три года она потратила на исправление строительных недоделок и благоустройство своей прекрасной квартиры.

А когда доклеивала обои в прихожей, раздался телефонный звонок. Предлагали работу квалифицированного химика в Смоленске.

Вера Ильинична растерялась: она не хотела уезжать, однако и отказаться было никак нельзя. За пятнадцать лет она привыкла к новому пространству, к местной природе, полюбила принявший ее уральский город и не думала об отъезде. Тем более родители к этому времени уже умерли... И все же... Это был родной город, который Верочка часто вспоминала. И, конечно, там жила Надя, ее родная сестра, племянники, по которым Вера тоже скучала, — а здесь, на Урале, вообще никаких родственников, только друзья...

Надя преподавала английский язык в Смоленском энергоинституте. Ее муж работал

инженером на заводе. У них было двое детей. Старший Петя уже учился в институте, а Люба оканчивала седьмой класс. Можно будет приходить к ним, общаться... Все-таки это почти своя семья.

Несмотря на наличие друзей, Вера иногда чувствовала себя одинокой в уже привычном и любимом, но все же, как ни крути, не родном уральском городе.

Однако решиться на переезд было трудно. С сомнением, с неохотой, плохо веря в то, что действительно переедет, Вера начала подыскивать обмен.

В 1991-м квартиры у советских граждан были еще неприватизированными, их следовало не продавать, а обменивать.

В глубине души Вера надеялась, что не сможет обменять свою квартиру, замечательную, конечно, но расположенную в небольшом промышленном городке, не столь красивом, как Смоленск. И тогда не надо будет уезжать.

Обмен, однако, предложили быстро. Как только по заводу и городу разнесся слух, что Лопухова уезжает в Смоленск, к ней явился незнакомый мужчина. Его тесть жил в Смоленске и с радостью согласился бы на обмен с Верой.

— Он там, считай, один живет — есть только дальние родственники. А он к дочери поближе хочет переехать. У него отдельная двухкомнатная квартира в центре города — правда, требующая ремонта... — рассказывал этот человек.

Одновременно он внимательно оглядывал Верину комнату. Замечательную, с большой застекленной лоджией, только что прекрасно отремонтированную, да!

— А на какой улице? — рассеянно спросила недовольная Верочка.

«Знаем мы ваш центр! — думала она. — Заднепровье, небось! Берлога какая-нибудь...»

Она все еще надеялась, что обмен по каким-либо причинам не подойдет. Уж очень не хотелось уезжать.

— Сейчас... — Незнакомец порылся в кармане и достал тетрадный листок. — Вот тут адрес жена записала.

— Улица Ленина, дом три... — прочитала Вера Ильинична и не поверила своим глазам. — Кажется, я жила там рядом... В детстве... — сказала она этому незнакомому человеку.

Говорить не надо было, наверное. Но от неожиданности Лопухова потеряла самоконтроль.

— Наш дом был номер один, это рядом, а какой же третий, я плохо сейчас представляю. Надо съездить посмотреть.

На майские праздники Вера отправилась в Смоленск.

Первое мая в том девяносто первом году еще отмечалось, хотя как-то вяло.

Лопухову легко отпустили с демонстрации, выезжала она 29 апреля. Две подруги провожали ее на вокзал.

Весна была ранняя, солнечная, теплая, пахло зелеными листочками и нежной весенней сыростью.

Смоленск встретил осенним дождем, холодом. А Верочка приехала в легком плаще.

Все было мрачным, никаких зеленых листиков деревья даже не обещали. Молча гнули под дождем и ветром черные ветви.

«Нет, не надо переезжать», — подумала Вера Ильинична.

Под влиянием погоды воспоминания нахлынули не очень приятные.

Свои детские годы Вера любила, вспоминала их с радостью и даже умилением, но после окончания института начались многолетние поиски работы, чувство собственной ненужности...

Нет, ничего веселого в ее смоленской молодости не было.

Вот и сейчас ей сразу стало холодно. Кроме дождя, никто ее на вокзале не встречал.

Вера и не ждала: сестра и ее муж на работе, племянники учатся.

Доехала на трамвае, взяла ключ, как было договорено, у соседней...

Вечером, конечно, велось много разговоров.

Верочка была откровенна: сказала, что на счет переезда сомневается.

И Надя, и племянники, и Надин муж Саша были Верочке рады, однако, чувствуя ее настроение, переезжать не уговаривали: смотри сама, как тебе лучше.

На другой день, проводив родственников на работу или учебу, Вера надела Надину теплую куртку и отправилась смотреть квартиру.

Дом оказался не рядом, а тот же! Как-то перетасовались номера, и этот бывший некогда номером первым дом стал номером третьим! В этом доме она жила с двух до четырнадцати лет... Необыкновенное время!

Вера была впечатлительная и хорошо помнила те детские годы. Семнадцатиметровая

комната, где они жили впятером с 1950 по 1963 год, до сих пор часто ей снилась.

На покрашенной бежевой краской двери прибита планка, там висят на гвоздях пальто и шапки всех домочадцев — как дверь выдерживает? Стены покрыты нежно-салатового цвета известкой и украшены серебряным «накатом», имитирующим обои. По правой стене впритык друг к другу теснятся: кровать тети Мани, диван, на котором вечерами, стряхивая сигаретный пепел мимо стоящей на столе пепельницы, сидит и курит обложенный газетами и книгами папа, а ночью спит маленькая Верочка, огромный буфет, загораживающий почти всегда сырой, с проступающей кое-где плесенью угол (этаж последний, крыша здесь протекает). Затем высокое узкое окно, и по другой стене кровать родителей, шифоньер с зеркалом, кровать сестры, узкая этажерка с книгами в углу. Квадратный стол посередине: за ним и обедают, и уроки делают. Стол покрыт пестрой клеенкой со светлыми вытертыми пятнами (это пролившиеся чернила оттирали содой), три стула и продавленный диван теснятся вокруг...

Очкастый молодой человек, двоюродный племянник хозяина квартиры, встречает ее на углу.

Тот же подъезд!

— Нам на третий этаж, — говорит юноша.

Тонкая болезненная иголочка колет в сердце Веры: «Неужели?!»

Лестница та же: крутая и длинная (здесь высокие потолки), заплеванная, с чугунной витой решеткой перил, с вьезшейся в деревянные поручни грязью.

— К сожалению, у дяди все окна выходят во двор, — продолжает рассказывать парень.

И иголочка в сердце отпускает, одновременно с облегчением и болью: окно комнаты Лопуховых выходило на улицу.

Сестры Лопуховы, Надя и Вера, любили смотреть в окно, особенно в мае, когда улица Ленина оживала. К началу шестидесятых ее сделали пешеходной, и по вечерам на эту улицу выходила почти вся молодежь города. Сотни пар ног шаркали по асфальту, слышался звонкий девичий смех, выкрики...

Надины одноклассники махали снизу руками, кричали ей что-то в окно, она отвечала, сильно высовываясь за раму... Мама ругала ее за это.

Случалось, Надя выскакивала из квартиры, присоединялась к друзьям...

— Верочку возьми! — строго приказывала мама. — Иначе не пойдешь: пусть она тоже по воздуху прогуляется!

— Да, все три окна во двор... — продолжает сопровождающий. — Ну, сейчас сами посмотрите.

«Не наша, значит...» — Вера глубоко вздохнула.

Она ведь уже почти поверила.

Квартира находилась напротив той коммуналки, где когда-то жили Лопуховы.

На площадке были всего три двери: бывшая лопуховская коммуналка, нынешняя квартира, предложенная Вере на обмен (здесь тогда тоже была коммуналка, но кто в ней жил, она теперь совершенно не представляла), а за третьей дверью была не квартира, а комната — она началась сразу, без прихожей, и кухни там тоже не было.

Эту комнату Вера хорошо помнила: там жила косоглазая Светка — в женском царстве, с мамой, тетей и бабушкой. Их фамилия была Соловьевы. С ними дружила Верочкина теть Маня, иногда Верочка ходила туда с ней в гости, играли со Светкой, пока взрослые беседовали. В этой большой, метров двадцать, комна-

те всегда пахло керосином: готовили здесь же, на примусе.

Молодой человек постучал в дверь каким-то условным стуком («Звонок оборван, чинить придется», — отметила Вера), залязгали замки, потом цепочка, и Вера отвлеклась от воспоминаний.

Хозяин оказался деловым, ушлым мужиком за пятьдесят. В квартиру эту он с дочерью переехал шесть лет назад — поменялся из Ярцева. Вначале была одна комната, а после смерти соседки ему оставили и другую. Не стали никого подселять, «потому что дочь, что к вам на Урал замуж вышла, тоже здесь прописана, не выпиывалась отсюда», — так он пояснил.

Да... И мир тесен, и люди чего только не выдумают для улучшения собственных жилищных условий.

Квартира, давно не отремонтированная, находилась в плачевном состоянии. Очевидно, хозяин изначально думал об обмене, отремонтировать ему было невыгодно.

Вера Ильинична видела, конечно, и протекающие краны на кухне, и мокрые от конденсата трубы в туалете, и дыры от облупившейся штукатурки на стенах и потолке в комнатах. Но ее это почему-то не смущало.